

Истории о глупостях
и несчастьях других
делают нас лучше,
заметно лучше,
удачливее и даже
счастливее. Страница 36

АНАТОЛИЙ АНДРЕЕВ
Легкий мужской роман

Роман

Анатолий Андреев
Легкий мужской роман

«Автор»

2001

Андреев А. Н.

Легкий мужской роман / А. Н. Андреев — «Автор», 2001

Первый роман А. Андреева. Роман рассчитан на читателей разных уровней подготовленности и запросов. Для ищущих «чистого» развлечения, – сюжет, насыщенный событийный ряд, эротика, яркая словесная сторона стиля. Те, кто воспитан на литературе, тяготеющей к классике, будут увлечены проблематикой «лишних людей», ситуацией мировоззренческого кризиса, экзистенциальными проблемами бытия, иронически обыгранными. Для литературных гурманов – изыски в стиле постмодернизма (что при желании можно рассматривать как пародию на тот же постмодернизм). Наконец, профессионалы и знатоки разглядят архетипичность героя, его неслучайную родословную, идущую от «лишних». Читателю представлен современный вариант мыслящего героя, к тому же глубоко и тонко чувствующего. В этом контексте «лишний» выглядит вызывающе и полемично.

© Андреев А. Н., 2001

© Автор, 2001

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анатолий Андреев

Легкий мужской роман

Исповедь приятеля

Предисловие

Побуждаемый желанием быть правильно понятым и стремлением обезопасить свое доброе имя, автор издаваемого романа вынужден прибегнуть к некоторому предварительному разъяснению собственной позиции по отношению к странному роману, где в титрах будет фигурировать мое, автора, имя.

Читатель оценит необходимость предупреждения, если примет к сведению следующее: роман состоит, собственно, из заметок моего приятеля. Заметки – не мои, а роман – мой. Возможно ли сие?

Противоречие, как говорится, налицо.

Тем не менее вынужден подтвердить ранее сказанное. Благо бы это был условный прием, и никакого приятеля и в помине бы не существовало. На беду, господа, приятель существует и здравствует поныне. К сожалению, все изложенное им – правда, а как с нею быть ума не приложу. Приятель изволил эгоистически вывалить мне на стол груды своих заметок, нимало не заботясь о том, чтобы придать своему изложению стройный и пристойный вид. Его заботил он и только он, никто более. Очевидно, втайне он рассчитывал на мою квалификацию, щепетильность и порядочность. У него были на это все основания (без ложной скромности). Я потрудились. Когда мне удалось придать заметкам некое подобие стиля и обработать их композиционно, получился, как мне представляется, органический документ, равно претендующий как на сумбурный материал для психоаналитика, так и на опус, культурпродукт, полухудожественный бред с некоторым шармом, аурой и харизмой.

Приятель печется о репутации своих внуков (судя по всему, к этому идет дело), да и мнением своей очаровательной супруги не манкирует. Сын его становится человеком влиятельным, некоторые из его «Люсек» (если читатель не ограничится предисловием, то вскоре поймет, о ком речь) – особы довольно известные и обидчивые. Словом, у приятеля моего действительно бездна поводов не предавать сию беллетристику публикации и не рисковать репутациями уважаемых членов общества. Лавры Казановы его не беспокоят. И я готов его понять.

Однако существует и другая сторона медали. Данный роман-документ представляется мне по-человечески интересным. Какие страсти человеческие бушуют на изломе эпохи! В конце концов, у моего поколения (я практически ровесник своего приятеля, нас разделяет каких-нибудь десять с небольшим лет, что, с другой стороны, ограждает меня от фамильярности более молодого, но менее авторитетного коллеги) тоже есть самолюбие. И мы жили художественно, мыслили и страдали. Кому перестройка с либерализацией и мать родна, а мы вот старались оставаться людьми.

Примите несколько штрихов к портрету эпохи в назидание потомкам. Более ничего. Вот весь мой бескорыстный интерес. Мне, в свою очередь, не нужны лавры Михаила Ю. Лермонтова.

Выглядит мой приятель как вполне respectable джентльмен, с которым, признаюсь, приятно скоротать часок-другой за умной и тонкой беседой. Как водится, позволить себе рюмку до того и сигарету – после того. Но внешность обманчива и легкомысленно непроницательны люди, не умеющие разглядеть за приятной внешностью иные типичные черты. Я не

понаслышке знаю большую часть персонажей этой книги, я знаком со многими и весьма даже близко. Поверьте мне, временами я был обескуражен и потрясен.

Впрочем, уклонюсь от прямых оценок. Сегодня у каждого есть свое мнение, а я всего только один из вас, прилежный воспитанник СМИ. Не лучше и, надеюсь, не хуже моих читателей. Замечу только, что я являюсь единственным в стране, да и, пожалуй, на просторах СНГ (а может, и не только СНГ – дух захватывает, как вообразишь!) специалистом по «лишним людям». Представитель сего редкого, поверьте мне, истребленного *homo sapiens`ом* вида вызывает у меня, простите, чисто профессиональный интерес. В наше время – лишние люди? Все мы сегодня немного лишние, каждый из нас носит в себе частицу души чайки по имени Джонатан Ливингстон (*Livingstone* – «живущий камень», мыслящая материя, в которую внедрилась жизнь духа; приятель мой считал эту «напыщенную и претенциозную» повесть Ричарда Баха «о пернатом Иисусе» карикатурой на «лишних», западным представлением о лишнем как о «полезном, но временно отвергнутом социальном лидере», «попыткой утилизировать истину и опозитизировать опарышей»; не могу сказать точно, что имел в виду мой приятель, сами увидите: его порой понять невозможно).

Однако мой приятель всем дает сто очков вперед. Мне так хотелось разглядеть в нем некоторые черты исчезнувшей аристократической духовной породы, так хотелось узреть родственную душу. Вполне возможно, я принимал желаемое за действительное. Обмануть меня было не трудно, я был обманываться рад. Но это глубоко личное. Оставим это.

Итак, господа, вашему вниманию предлагается еще одна история души человеческой.

Тому, что этот труд состоялся, я обязан многим людям, помогавшим мне своей конструктивной критикой в процессе его создания. Выход в свет этой книги был бы невозможен без помощи этих добрых людей. Им – мое благодарственное слово.

Особая моя признательность – Евгению Николаевичу, моему приятелю, любезно предоставившему мне в распоряжение свои разрозненные заметки. Он заставил-таки меня пораскинуть мозгами, тактично не отказывая в многочисленных консультациях. Каким получился роман – судить благосклонному читателю.

Выражаю также благодарность моей супруге, Людмиле Потаповне, по настоянию которой в роман не попали некоторые скандального, даже шокирующего характера сцены и скабрзные выражения. Нравственная цензура – ее заслуга. Одновременно прошу прощения за то, что, щадя ее нравственную опрятность, утаил от нее некоторые куски романа, ей, несомненно, не понравившиеся бы. Душа моя, пойми: я и сам не в восторге от многого. Если б ты знала, из какого сора растут порой шедевры, не ведая стыда. Надо соблюдать и интересы почтенной публики: нет шока – нет романа. И потом: правда жизни – не пустой звук, а мы с вами, слава Богу, не соцреалисты.

Не могу не отметить скромность и бесконечное терпение моей тайпистки, смуглой Гаянэ Комаровой, молодой симпатичной особы двадцати трех лет, разбиравшей каракули Евгения Николаевича со мной сутки напролет и набиравшей своими энергичными нежными пальчиками текст, забавно выскакивающий на светящийся в темноте экран компьютера. Эти долгие часы совместной творческой работы запомнятся мне на всю жизнь.

Дотошная въедливость Горбачева Александра (он бы тут же заносчиво переиначил зачин: «въедливая дотошность») – низкий поклон ему – помогла избежать досадных ошибок и накладочек. Не спорю, помогла. Дьявол сокрыт в деталях – и дьяволу изрядно-таки досталось от зануды. Правда, излишне усердный, хотя и чрезвычайно художественно чуткий, Александр Ю. Горбачев стал настаивать, что уши дьявола несовершенства торчат также из композиции, как у какого-нибудь Марселя Пруста, и дал дельный совет: переписать роман, а лучше написать новый.

Что за радикализм! Спасибо, конечно, на добром слове, но чем богаты, тем и рады.

Особо хочу поблагодарить корректора проекта, еще свежую и чрезвычайно грамотную женщину Патрицию Бродскую, с которой нас разлучили обстоятельства. Шлю Вам пламенный привет, Патриция. Мы славно потрудились. Нам нечего стыдиться. Мы избежали грамматических ошибок.

К сожалению, невозможно перечислить всех. Всем спасибо, всех вас помню.
Роман посвящается последующим поколениям.

Доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Евразии, почетный член Лиги в защиту культуры, действительный член сообщества «За экологию сознания», писатель

Бенедикт Оскарович Вензель

Конец второго тысячелетия от Рождества Христова

Глава 1

Я был плотно зажат толпой в троллейбусе, экологически чистом общественном транспорте, который натужно кружил по кольцу, опоясывавшему добрую треть города, и начинал свой 17 маршрут с конечной остановки, носившей обреченное название: «Троллейбусное кольцо».

Действие будет происходить в городе, географически расположенном в самом центре свободной Европы, которая простирается, волею судеб, от Атлантики до Урала. К востоку от центра бьется интеллектуальный и, следовательно, гангстерский пульс континента – Москва (согласимся: как много в этом звуке), к западу теснятся земли великих наций, давших миру несравненных философов, музыкантов, писателей, художников, полководцев, которым мы обязаны культурой, цивилизацией и самой демократией, наконец.

Точкой отсчета этой вселенной выступает наш скромный город, который ждет великое будущее.

Город называется Минск.

Сегодня был мой день: мало того, что мне посчастливилось втиснуться в середину салона, так еще перед носом моим освободилось нагретое тощим задом лохматого пенсионера местечко, и я, не раздумывая, гибким, хищным движением (в мои-то сорок три годика) оккупировал сей завидный плацкарт перед носом обрюзгшей тетки. На ее заплывшем лице не отразилось ни досады, ни удивления, разве что в качестве маленькой мести оккупанту ее кривая гримаса содержала следующий смысловой код: не очень-то и хотелось. Ей, конечно, никто не верил, однако никто не оспаривал мою маленькую победу.

Все так живут. Кто не успел – тот опоздал.

Я поспешил уставиться в окно, гася неприятный осадок после своего слегка хамского маневра. Рядом со мной (у окна!: вот кому пришлось побороться за место под солнышком) расположилась девушка и читала книгу. Молодость и здоровье, что-то около двадцати лет. Я скосил глаза в книгу и бегло охватил взглядом примерно то, что и ожидал увидеть: детский крупный шрифт макулатурного чтива, то ли эротического, то ли религиозного направления. Подобные девицы охотно читают и то, и другое.

Вообще-то уступать место, не заглядывать через плечо, не пялиться откровенно на соседку и уж тем более не пытаться знакомиться – это мои формы протеста против простоватых нравов граждан пассажиров. Для меня общественный транспорт – модель ада, и я вовсе не собираюсь пребывать в аду с комфортом. Я не намерен задерживаться здесь надолго. Я всячески дистанцируюсь от охватившей меня плотным кольцом толпы, незаметно протестую незатейливым гражданским неповиновением, как-то: не смотрю в ту сторону, куда выворачивают шеи эти любопытствующие (далее в тексте нрзб., предположительно «жлобы» – **Б.В.**), никогда не встречаю в любимую народную забаву, смысл которой состоит в том, чтобы всем салоном втолковывать гостям столицы, очумевшим от провинциального радушия минчан, как и куда следует им проехать, сколько осталось остановок и где лучше сделать пересадку; никогда ни с кем не вступаю ни в какие разговоры. Меня как бы нет в аду. Я не живу в общественном транспорте, я впадаю в анабиоз, в летаргический сон, укрываюсь в невидимую скорлупу от унижения запахами, манерами, соприкосновениями, необходимостью слушать громкий лепет этих «опарышей», как выражается Федор, с удовольствием копошащихся во чреве рогатого троллейбуса. Быть с ними – пытка для меня.

Где же я припарковал свой персональный автомобиль, язвительно спросите вы? В смысле если я такой умный, то почему немножко бедный?

И будете правы: автомобиля у меня нет. Отсутствует.

Но вам вовсе не нужно извиняться за свою язвительность. Разоткровенничался ведь я, а не вы, ну вот и нарвался на сочувствие. Никто ведь не тянул меня за язык, верно? За что боролся...

Все правильно, все нормально. Не прав я. Нелегко распахивать душу перед первым встречным, тем более, если никогда раньше этого не делал. Роман, знаете ли. В романе без откровенности нельзя. Не будем ссориться раньше времени, уважаемый читатель. Вы мне нужны, вы мне более необходимы, чем я вам. Продолжу, с вашего позволения.

Отсутствие автомобиля – форма протеста против того способа добывания денег, которым озабочены пассажиры троллейбуса, стар и млад. Против их образа жизни. Глупо? Неувязочка получается?

Конечно, глупо, разумеется, неувязочка. Не стану спорить. Как говорится, противоречий очень много, но их исправить не хочу.

Кстати, по поводу запахов... От девушки исходит какой-то удивительно гармонирующий с ее обликом легкий, горьковато-тонизирующий чад недорогого парфума. Я поймал себя на мысли, что приятно было бы ощутить, как она женственно подобралась от моего соседства, как она с продуманным, как бы небрежным кокетством контролирует свои жесты и осанку. Это я по себе сужу о людях, никак не вытраплю из себя эту реликтовую дурь.

Словно в ответ на мои дерзкие мечты, девушка вдруг тягуче, как псина, зевнула, нимало не смущаясь присутствием интересного соседа, и запах духов ее стал казаться мне ароматом пошлости. Я с вызовом скользнул по ней глазами. Она взмахнула ресницами и как ни в чем ни бывало уперлась в меня взглядом ожидания.

Это мне знакомо. С этим странным поколением «пепсионеров» я тоже разговариваю на разных языках. Девки матерятся с виртуозностью проституток или политруков, их стриженные кавалеры, отрывивая пивом, мочатся при них на остановках троллейбусов, и вся стая, влаивая, ржет в ответ на клоунские выходки и «бородатые» репризы записных солистов-остряков.

О, чудное легкомыслие молодости!

Этому поколению доверено довершить сексуальную революцию, так робко начатую язычниками. Эти девки порой возбуждают меня, но они как-то чувствуют мою спесь, и мне трудно рвать с ними дистанцию.

Но вот устала же. Может, попробовать?

Риск благородное дело, а экспромт великая вещь.

– Девушка, гм, Партизанская – это следующая?

– Через две. Нет, через три. Ну, вот как памятник огромному дядьке проедем...

По-моему, она не прочь произвести впечатление. Интонация глубокая, хотя нет игривости. Но нет и фальши.

– А что вы читаете?

– Да так... Подружка дала.

– А куда вы едете? К подружке?

– Нет.

– На свидание?

– Нет, – и первое подобие улыбки кривит кармином подведенные губы.

Я ободрен. Пускаюсь во все тяжкие.

– Держу пари, что у вас есть парень, ну, друг, в смысле бойфренд.

– Ну, есть. И что? – меланхолично интонировала мадмуазель.

– Я ему завидую.

Странное дело: чем больше я себе не нравлюсь, тем более оживает моя красотка. Кем я ей кажусь, интересно?

– А вас случайно не Идалия зовут?

– Нет. С чего вы взяли?

– Да так. Книжка у вас, конечно, эротическая?

– Ну, конечно. Про любовь.

– Это не любовь к трем апельсинам, я надеюсь?

– Какие апельсины? Это сериал сейчас идет, «Разбитое сердце-2». А я уже дальше читаю. Я уже знаю, что будет в следующей серии. Это про Марию и Хуан Антонио.

– Он убьет ее, что ли, этот людоед?

– Да вы что? Он ее любит. Вы разве не смотрите?

– Все как-то одним глазом... Преимущественно левым. Так значит, они поженятся?

– Да он женат давно, и у него дети. Он просто любит Марию.

– И какая там любовь? Вечная? Романтическая?

– Не знаю. Любят друг друга – и все.

– А сердце у кого разбито?

Инициатива пока в моих руках, хотя эти мыльные сериалы – тема скользкая. Но что мне с ней делать, с добытой инициативой?

Следуя логике 43-летнего, делаю выпад, опускаю вовсе не лишние, на мой вкус и взгляд, звенья в ритуале многообещающего знакомства. Просто потому, что не знаю как себя вести. Не чувствую.

– Может, выйдем? Пива попьем... Меня, кстати, зовут Хуан. Не Джузеппе, а Хуан, обратите внимание.

– Да что вы говорите? И вы тоже женаты?

– Какое это имеет значение, если речь идет о любви?

– А меня зовут Людмила. Я и без вас выхожу.

– Поздно. Вы уже разбили мне сердце.

Это рок какой-то. У меня уже было пятнадцать Людмил, Люсек, как я их ласково называю. И я бы дорого дал, чтобы эта свежесть и прелесть стала Люськой 16.

Она являла собой то, что я называю мой тип, мой любимый размерчик. Одного со мной роста, 171–173, не тощие, тугие (что принципиально) бедра, роскошная упругая грудь, то есть грудь, которая уже явно не умещается в ладонь, но которую не надо собирать горстями с простыней. Все затянуто, обтянуто до той степени вульгарности, которая заставляет подозревать в каждой студентке порочную тварь.

Самое главное – ей двадцать лет. Это одно из лучших достоинств женщины во все времена. Если вы так не считаете, то вы хороший, и даже добрый человек; а если считаете, то считается, что вы циник, циник, злой, злой. В двадцать лет женщины предпочитают последних, годам, эдак, к сорока явно тяготеют к доброте людской. Как неоднократно говаривала Люська 12, двадцати пяти лет, я из породы «спасателей», защитников, подставляющих плечо, – надо полагать, не циников.

Судя по всему, она в чем-то права, иначе чем объяснить, что моим роком и бичом стали умные и серьезные, следовательно, компенсирующие недообъем размерчика. Порядочные, опять же. Хотя тут все сложнее. Я даже подозреваю, что порядочность в моих глазах – качество сексуальное. Порядочность меня возбуждает, я начинаю неотразимо куражиться и зажигательно импровизировать с женщинами по человечески интересными, но как-то в меру умными. Умных – не люблю (а они ко мне липнут), я к ним равнодушен, а дур – просто не переношу. И ум, и глупость для меня качества в женщине равно отталкивающие. Самец во мне дохнет. Лучше всего простота и бесхитрость. Если все это развито до степени естественности – это уже божий дар. Люська 9 не жеманясь докладывала мне, что у нее почти сразу же начинаются сладкие спазмы в то время, когда она разговаривает с мужем по телефону, а я снимаю с нее трусики, раздвигаю сзади ягодицы и делаю проникающий кинжальный выпад. И это ничуть не унижало ее в моих глазах. Вообще мы с ней, как только остаемся вдвоем, все с себя снимаем и шастаем по комнатам (комнате: как придется) в чем мать родила. А с

мужем, от которого у нее дочь, она ни разу не переспала днем. Стесняется. В этом есть что-то естественное.

Чем-то меня Люська 16 зацепила. «Загадочность» ее, казалось, была простоватого плана. Незаурядные женские стати, тщательная обводка кармином – и тяжеловатая, как бы не поощряющая бойкой легкомысленности угрюмость. И при этом, повторю, все женское подчеркнуто и подано. Товар лицом, весь облик провоцирует легкий флирт.

– Люсенька, а твой принц – с мерседесом?

Тут надо сразу определиться: завышенные женские ожидания ни к чему хорошему не приводят. Если она не прочь клюнуть на меня как на перспективного, состоятельного ухажера, лучше развеять иллюзии сразу. Со мной хорошо и комфортно женщинам определенного типа: не примадоннам, не снобирующим куклам. Вот почему я избегаю броских див. Очень красивые шлюхи – для очень богатых. Такова жизнь.

– Нет, мой бой-бойфрендна вас похож, седоватый и в годах. Не мальчик, в общем. Любит меня, и все такое. Да, он женат. Нет, не крутой, не бизнесмен. Он художник. Говорит, что у меня эта, как ее, вечная женственность на лице написана. Я ему позирую, и все такое...

– Зачем он тебе нужен?

– А ты ведь тоже женат?

– Как тебе сказать...

– Да ладно. Мне все равно.

Как-то все вяловато, без возбуждающей игривости. Словно заученно. И вдруг – замечательная, определенно теплая улыбка, сопровождающаяся живым мерцанием в глазах. Какое-то зловещее зеленоватое озарение.

Ничего не могу понять, не собирается ее образ в нечто законченное. Какие-то черты живут сами по себе. Между прочим, это плохой знак. Но где наша не пропадала.

– Ты его любишь, мужчину своего?

– Мне как-то все равно.

Она ответила прежде, чем подумала, поэтому возникла неловкость из-за интимной искренности.

– А где ты работаешь? (То, что она не учится, сомнений не вызывало.)

– Цветы продаю.

– Тюльпаны?

– В основном, розы. С колючками.

Вяло, но честно.

Сидим, пьем пиво. Публика отмечает нас грубым своим любопытством как пару, в общем, колоритную. Контрастную, что будоражит похотливое воображение граждан. Пригласить ее к себе, в мою берлогу-хрущевочку?

Я уже явно поддался волне неопределенности, в чем-то подстроился под Люську. Не знаю, что делать. Мне хочется легких, ни к чему не обязывающих отношений. Но я упорно, бессознательно, каким-то культурным инстинктом ищу в каждом новом романе каплю счастья. Чаще всего получаю животную, витальную радость, которую доставляет новое тело, новый запах, иной опыт. А вот новой души – не встречаю, и, что бы я ни говорил, всегда откладывается новый осадок разочарования. Давно пора бы стать разумным циником, умом-то я это понимаю. А вот реликтовый романтизм окрашивает самые заурядные отношения в экзистенциальные, а значит, грустные, тона.

Ну, что нового ждать мне от Люськи 16?

Грудь у нее, судя по всему, как у Люськи 10 (то были волшебной сладости сосцы!), ноги, фигура – все это мой тип, все это я перешупал, перенячил, губами знаю наизусть, еще не раздев ее...

Да что там врать: я ее, конечно, хочу. Только настораживает меня непредсказуемость, что ли, ее, какая-то закрытость; боюсь нажать себе обузу, хотя, с другой стороны, слишком уж мимолетные, мотыльковые отношения не приносят мне радости. Не радуют. Если честно, мне нравится, когда меня любят. Собственно, это неперемное условие моих отношений с женщинами. Меня грустно, безнадежно любят, а я с грустью позволяю себя любить. Красота. Силовой секс, чистая жеребятина – пройденный этап, все это не то что унижает, а как бы угнетает меня.

Легкое озарение пивного хмеля – мой союзник. Я произношу давно проверенные, безотказно действующие на всех женщин слова:

– Люся, какая у тебя грудь... Какой-то особой, волнующей конфигурации. А самое сумасшедшее в тебе знаешь что? Походка. А еще...

И так далее. Импровизатором любовной песни. Что самое интересное – говорю правду, но только ту правду, которую хочет знать и слышать о себе каждая женщина. Не знаю более древнего, более простого и более действенного приема обольщения. Не подводил ни разу.

Люська не останавливает меня, не напрашивается на комплимент, а смотрит в сторону и расплывается в блаженной улыбке, из-за которой на нас стали оборачиваться в два раза чаще. Уже не прежняя, абстрактно-человеческая улыбка поселилась на ее устах, а возбуждающая меня и мне адресованная. Люська меняет положение ног, закидывая их одна на другую, в позе появляется расслабленность предвкушения. Я хмелею и смею. Начинаю говорить вещи рискованные, опускаю свои уже даже не двусмысленные комплименты все ниже и ниже. Поощрительная улыбка не гаснет.

Наконец, мы продолжительно и глубоко заглядываем в глаза друг другу, поднимается и томно лавируем между пластмассовыми столиками, причем я, бережно направляя Люську, расчетливо забыл руку на ее талии. Намека «не распускать руки» не последовало.

Люську не смутила разобранная и изрядно помятая постель на две персоны, галантно и порочно раскинувшаяся на добрую половину моей единственной комнатенки. Это Ванька шалил: я без ханжества делюсь с ним квадратными метрами жилплощади.

Моя новая подруга, не особенно смущаясь, раздевалась, сосредотачиваясь на мелочах туалета, в то время как я вибрировал в унисон с ее подрагивающими округлостями, и, нагая, попыталась принять на широком, два на два метра, разложенном диване позу не без изящества – но в мгновение ока была смята пургой зрелой и владеющей собой мужской страсти.

Ее бессмысленно-печальные глаза красивой собаки были вежливо закрыты. Бедной девочке нечем было мне ответить. Она просто не хотела обмануть мои эротические ожидания. Ее сухие губы, скудно увлажнившееся лоно, ее чересчур бесстыдные, оттого трогательные жесты, нетвердо разученные, – все, все выдавало недавно и не очень счастливо утраченную девственность, не ведавшую еще чувства.

Ее телу не нужна была моя горьковатая и упорная нежность. Ее, наверно, надо было просто пожалеть. Она действительно не знала, чего хочет.

Ее образ собрался для меня в облик несчастного ребенка, заживавшего меня своей холодностью, сводившего меня с ума вздрагивающей и не теряющей формой грудью, порочно и вместе жалко раскоряченным задом, в недра которого я с восторгом отчаяния изливал и никак не мог до конца излить свое сладко затянувшееся содрогание.

Глава 2

Чувство вины – вот что оставила мне Люська 16, которая так ничего и не поняла в нашем мимолетном романе. Скажите после этого, что в женщине нам важны только эрогенные места.

Странное дело: стоит мне расстаться с женщиной, с любой женщиной, во мне поселяется запоздалое чувство вины; между тем мне кажется, что я – не презираю, нет – понимаю природу женщин. А понимание неизбежно оборачивается презрением. Тогда при чем здесь чувство вины?

Мои утренние размышления оказались прерваны однократным телефонным звонком.

Потом – молчание.

Потом снова звонки с регулярными интервалами.

Это условный знак: звонят свои. А свои – это пара фавориток-Люсек, сын Иван, двадцати лет от роду, и друг мой единственный по фамилии Бах, по имени Вовка, а по прозвищу Бахус. Небрежно вьющаяся светлая шевелюра, бледно-голубые навывкате глаза, честные и глуповатые, и уверенная стать заматерелого мужика, любителя пива, бани и баб – вот вам эскиз Вовки. Что невероятно – так это то, что он холостяк. Причем не идейный холостяк, а – случайный и нелогичный. Он раз и навсегда отрегулировал женский вопрос, порешив, что все женщины в его жизни будут случайными – до тех пор, пока он не встретит свою Гретхен. А то, что он ее встретит, в этом он не сомневался. Он знает, кого ему надо, просто пока не встретил. Когда его спрашивали (все больше почему-то женщины), не засиделся ли он в холостяках, Бахус остроумно парировал своим любимым изречением: «Рано поданное блюдо бывает слишком горячим».

Снимаю трубку. Это Федор (забыл вам представить еще одного посвященного, своего), приятель-рок музыкант, раздолбай, подонок и гений одновременно.

– Старик, что, бля, характерно, нужна твоя хата и диван. Презервативы – свои. Как понял?

– Федор, гигантуля, после твоих экзерсисов мой рыдван жив едва.

– Женька, что, бля, характерно, сделал песню – чума. Хочу тебе завезти. Ну, и чувиху тут подсеяли... Жопа – во. Рядом стоит. Поет – чума. Надо трахнуть, бля.

Федор – это стихия. Грязная, нудная и достаточно регулярная, словно наводнение или сель. Отвязаться от него практически невозможно. Но общаюсь я с ним не без интереса, да и гений он, как-никак, не чета мне.

– Значит так. Записывай. В холодильник, сволочь, ни ногой, ни рукой. Ключи передам у метро, там, где обычно, на Интернациональной.

– На Центральной?

– На Интернациональной. У саркофага (это мы так называем Дворец Республики). В 22.00 вернись домой. Как штык. К этому времени чтобы умотали со своей жопой. Как понял?

– Что, бля, характерно, с кем имеешь дело? Железняк. Нет, друг, там, бля, жопа – беда, я уже за конец вторые сутки держусь...

Читатель, прошу понять меня правильно. Современный роман должен быть коммерческим романом, в противном случае он не дойдет до читателя. Коммерческий же роман – это детище низкого вкуса. Если я не напишу «жопа» и «б...» – получится нравоучительный Л. Толстой или унылый А. Чехов. Кому они нужны сегодня? Реализм далеко шагнул со времен Толстого, ему и не снился такой лексический и психологический диапазон. Я хочу, чтобы меня читали. Вот я и делаю уступки жанру, так сказать, чутко улавливаю веяния времени. Иду на компромисс. Бизнес есть бизнес. Хотите б... – будет вам б... Надо учиться торговать собой, надо учиться выживать в современном мире. На войне как на войне (надо будет спросить у профессора, как это пишется по-французски).

Скороговорочка Федора «что, бля, характерно» срослась с ним и стала частью его имиджа, как длинные волосы или грязные носки. Она ничего конкретно не выражает, а потому может выражать все, что угодно.

Вот зачем опять впустил я в дом эту нечистую, гнусную обезьяну?

К чувству вины добавилось чувство брезгливости, смешанное с чувством досады на себя, плохо освоившего такую современную науку говорить волшебное слово «нет», – и утро было слегка испорчено.

Зато я неплохо умею концентрировать мысли и собирать остатки былой воли в кулак – умения и навыки с той поры, когда я подавал надежды стать сверхчеловеком, гигантом, оригинальным писателем и мыслителем. Собранные воля и мысли заставили меня бодро подняться с дивана – кстати, нового, прочного и удобного, удивительной конструкции, изящно гармонизованного с обоями неброского цвета, удобным же креслом и небольшим, ручной работы письменным столом, подобранным в тон всему остальному убранству. Люське 15 так пришлось по душе и по заду мой сексодром, что она обязала мужа купить такой же. С целью укрепления семейного союза. Стервозность ветреных дев порой доводит меня до припадков ненависти ко всему роду человеческому. Впрочем, аргументы в виде мужлана Федора заставляют меня быть более объективным и разделять с женщинами ответственность за испорченные нравы.

Над письменным столом – внушительная книжная полка. «Евгений Онегин», да с ним еще сотни две-три романов, в которых отразился век и современный человек изображен довольно верно. (Романы, замечу, века прошлого, и позапрошлого, то есть XX и XIX.) Не будем о грустном.

Кабинет не кабинет, но я довольно долго и вполне сознательно шел к своему обособленному жилищу. Жена, Люська Первая, с сыном Иваном живут в хорошей трехкомнатной квартире. Фото Ивана, любознательного юноши с открытым взглядом, стоит у меня на столе.

Энергичная зарядка, как всегда по утрам, с гантелями и эспандером.

Потом – душ и неторопливый завтрак на уютной кухне, где у меня всегда чисто. Холодильник, маленький телевизор. Что еще надо стареющему джентльмену, чтобы уверенно встретить дряхлую старость и неизбежную смерть?

Я люблю свои долгие завтраки, я люблю одиночество.

Я ненавижу болезни и смерть.

Посуда вымыта. Везде порядок. Люблю порядок.

И зачем только я привадил обалдуя Федора?

И вновь холодком кольнуло чувство вины перед Люськой 16.

Мне нравится выстраивать свою жизнь по своему хотению и разумению. Это единственное, что мне осталось. Крупного художественного или научного таланта у меня не обнаружилось, в бизнес я, скажем так, не рвусь. Так, подрабатываю кое-где, понемногу. На жизнь хватает, а больше и не надо. Мне нравится жить и ощущать жизнь. Вот сейчас обозначается что-то вроде новой фазы или жизненной полосы. Какая-то новая потребность смутно терзает душу. Где я буду завтра? С кем?

У меня и день, и год, и жизнь организуются по принципу открытого финала. Что там, за поворотом? Чем удивишь, жизнь?

Телефон выдает несколько трелей, без первой, контрольной. Звонят без перезвона. Звонят чужие. Взять, не взять?

Беру. Это по работе. Ну, что ж, к вечеру я буду не только свободен, но и при деньгах. А это уже почти счастье, не так ли?

Иду на троллейбусную остановку, впихиваюсь, еду на работу – то есть отдаю время и силы на то, что не имеет никакого отношения к моей быстротекущей жизни. Вы нашли бы меня, читатель, в середине троллейбуса № 17, мрачно уставившегося в окно и не обращающего никакого внимания на грудастых девиц с макулатурным чтивом на обнаженных коленках. От

стоящей рядом блондинки угарно тянуло женским гормоном феромоном. Или потом, не разберешь. Напрасны ваши совершенства, леди.

«Выходим, мужчина?» – фамильярно надрывался опарыш с подбитым глазом, нависая у меня над плечом и над душой. «Непременно», – скупно бросил «мужчина», не поворачивая головы. Опарыш заворчал что-то насчет того, что из-за этих интеллигентов простому человеку ступить негде. Развелось, дескать, умников.

А я был в очередной раз восхищен противоречивостью мира, питающей мой ум. Я диалектически разрывался между противоположностями: желанием врезать опарышу между глаз и многолетней вышколенностью не реагировать на опарышей, не становиться одним из них.

К чести моей, дело кончилось компромиссом: я вежливо порекомендовал Нельсону Манделе вставить кляп, дабы не травить перегаром сограждан.

Мандела, что характерно, мгновенно принял к сведению, что перед ним отнюдь не интеллигент и вежливо заткнулся.

Глава 3

Вечером я планировал навестить Ивана с целью поддержать морально и материально. Морально – ибо сын мой единокровный изволил влюбиться по уши, и дело клонилось к той большой глупости, что незрелые человеки могут совершить только в пору ранней молодости, а именно: к женитьбе. От меня мама Люська ожидала напутственного и ответственного слова, как будто есть слова, отводящие от любви. Люське что-то не нравилась избранница Ивана, а может, ей не хотелось записываться в бабки, мечталось продлить женский век, тем более, что и у Люськи были виды на свою личную жизнь. Но об этом в свое время.

Иван несколько раз бывал у меня в квартире со своей девицей, и на его комплекте постельного белья запечатлелся тонкий и манящий запах юного женского тела с экзотической примесью лаванды и еще чего-то там нежного; какая-то сложная и томная симфония, странно волнующая меня. Вот почему я шел на встречу, настроенный дать благословение, если оно им надо. Пусть живут как нравится и как получается. Аминь.

Лицо Ивана сияло, когда он жестом юного бога представил Наташу, не Люську и не скажу чтобы уж очень мой тип. Простое открытое лицо, смутно осененное знаками не этого поколения, небольшая, не сомневаюсь, нежная, отзывчивая грудь, волнующие бедра. А в целом – впечатление легкой, изящной фигуры, очень спокойное и симпатичное впечатление.

– Здравствуйте, здравствуйте, Наташа. Где вы учитесь? Уже заканчиваете университет? Замечательно. А родители ваши?

Обычные родители, отец – бывший подводник, недавно умер, а прибыли в Минск откуда-то из глубины России. Мне очень жаль по поводу папы... Ничего, все в порядке. Что ж... Заходите как-нибудь в гости. Что, уже заходили? И не раз? Но не слишком огорчились, что не застали хозяина? Не слишком. Улыбка простая и естественная. Верилось, что не слишком огорчились. Замечательно. До свидания. На моей ладони задержался тот самый запах, может, лаванды, а может, мне хотелось, чтобы это было что-нибудь наподобие лаванды, потому что ромашка, например, звучит обыденно и неромантично. Лаванда волновала меня. А может, все дело в том, что само слово «лаванда» по экзотике своей напоминает «тюльпан»?

Что-то грустно стало мне в тот вечер. Я слонялся по нашему славному, незаслуженно мало, да и не очень талантливо воспетому городу, окутанному туманом, и гнал от себя мысли. Вот чем я занимался: отгонял мысли. Старался не думать о грустном. А это не самое простое из всех известных мне занятий. Я старался переключиться на пустяки. Говорят, что лондонские туманы создал Тернер. Положим, что так. Кто же тогда создал густые минские туманы? Уж не Поленький ли? Сальвадор, не ты ли руку приложил к возникновению этого роскошного молочного эфира, сомкнувшего небеса с мегаполисом? Само слово атмосфера в таком тумане теряет смысл, расплывается, ибо никакой воздушной среды уже нет, люди превращаются в амфибий, дышащих 100 %-ой влагой: взвесью молочных частиц. Улицы являют собой млечный путь, прохожие становятся призраками... Я даже подозреваю, что наши туманы куда туманнее их жидковатых альбионских смогов. Только мы не замечаем наших туманов. Потому что у нас нет своего Тернера.

В 22.00 я был уже у дверей своей квартиры, своей маленькой крепости, за стенами которой окопался и буйствовал гадкий Федор. Я вежливо – долго, с паузами – звонил в собственную дверь. Наконец, мне милостиво приоткрыли, а потом втащили, как военнопленного. Федор, само собой, был в неглиже, и, переступая через белую жопу певицы, потянул меня к магнитофону, который специально захватил для меня. «Что, бля, характерно...» Он в двух словах ввел меня в курс дела, нервно потирая руки, – и нажал на кнопку магнитофона.

Я не сентиментален. В глубине души, как мне кажется, равнодушен к музыке. Но в звуках фэдькиной гитары мнились мне запах лаванды, тюльпанов, моя утраченная молодость,

мои дивные 43, чистый женский образ, сотканный из отборных штрихов моих замечательных Люсек, а также грустная необходимость цепляться за жизнь и придавать смысл простому, очевидному и бессмысленному. Я же говорю, какой-то другой этап наступает в моей струящейся, как песок сквозь пальцы, жизни. Я обнаружил себя в поруганной крепости, с опущенными плечами, с глазами, полными слез, и бесконечной любовью к Федьке в моем циничном сердце. Певица талантливо подвывала, запрокинув голову с искусственно осветленными волосами, раскачиваясь и обнажая спелую грудь в разрезе не застегнутой рубахи.

– Ну, как? – спросил Федька не косяязычно и без всяких «бля».

Я молча развел руки, мол, чума, и бережно обнял засранца.

– А как она? – спрашивал уже я на кухне, заискивая перед непревзойденным мелодистом.

– Жопа – чума, – урчал Федор, догрызая остатки какого-то куска из моего холодильника. – Уже объезженная, курва. Динамо машина, старик. Хочешь трахнуть эту целку? – не снижая голоса рокотал гений.

Я, что характерно, не хотел. Впрочем, это ни о чем не говорит. Я давно был уже «молочным братом» этого замызганного маэстро, предохраняясь тремя презервативами от беспечных федькиных шлюх. Я был ничем не лучше этого кумира минской братвы, которая тащила от его шлягеров.

Такова паршивая диалектика нашей паршивой жизни.

Вскресе Федька с целкой удалились; кассету с музыкой я оставил себе.

Прошла неделя. Звонок. Пауза. Звонок. Беру трубку.

– Что, бля, характерно...

Выяснилось, что Федору позарез необходимо со мной встретиться. Нет, нет, сексодром мой тут не при чем. Обычно бесцеремонный, музыкант был непривычно сконфужен. Начало его речи сбило меня с толку.

– Понимаешь, Евгений, мне надо поговорить с тобой. Не знаю, с чего начать.

Федор нервничал. Он был достаточно прилично вымыт и даже побрит. Носки были в порядке. Отмобилизованность высокого класса тяжело давалась солдату шоу бизнеса. Первое, что мне пришлось в голову – деньги. Такое серьезное отношение у людей бывает только к деньгам или...

Но деньги Федька вымогает в совершенно другой манере и, надо признать, всегда возвращает долги.

– Федя, расслабься, приди в себя. Что характерно, я не узнаю тебя.

Но я не чувствовал себя хозяином положения. Я чувствовал камень за его пазухой.

Федор выложил все быстро, тихо, отводя глаза в сторону. По его словам, Наташа, широкоглазая девочка Ивана, была высоко котирующейся шлюхой-содержанкой в известных кругах (лишнего Федька не скажет никому и никогда). Фотоснимок, на котором Иван держит ее на руках, Федька случайно увидел у меня на столе. Не поверил собственным глазам. Проверил. Все сошлось. Не очень понятная, смутная история. Вначале за интерес, а не только за деньги, она посещала сауны с бригадами солидных министерских дядек, а чаще просто бандитов, набиравших для кутежей зондеркоманды полуотмороженных девиц. Правда, это было давно. Ну, было и было.

– Дашь им коньячку, в меру... Хорошую сигаретку. Напичкаешь шоколадом... Понимаешь, звереют. Вылизывают яйца так, что столбняк на всю ночь. Вдуешь всей компании, и еще хочется. У-у, бля...

В глазах у Федора шевельнулись зеленые искорки. На мгновение. Затем – мина честной безгливости.

– Ну, было и было. Не мое дело. Потом ее не поделили два солидных мужика. Говорят, дело дошло до крови... Но недавно ее опять заметили в компании... серьезных людей. Братки,

и все такое... По доброй воле она там оказалась или по принуждению – не знаю. Если кому-то очень нужно, там не спрашивают. Серьезные люди, поверь. Надо держаться подальше. Это уже не шутки. Извини, старик. Я должен был тебе это сказать.

Деликатностью некролога веяло от откровений Федора Мухи. И еще – правдой могильного камня. Этим действительно не шутят.

Теоретически я всегда готов услышать о человеке самое плохое, самое худшее, даже такое худшее, хуже которого не бывает ничего. Разве что иллюзии. Практически же меня всегда застают врасплох. Моя броня иронии как-то резко подыстерлась, и молчал я, как жалкий капитулянт, до неприличия долго.

– Ну, извини, старик, – не выдержал Федор.

– Я в порядке. It's okey, – бравировал я. – Надеюсь, все сказанное...

– Женя, я ничего не сочинил. И это строго между нами. – Серьезность сказанного подкрепляется скупыми жестами.

– Благодарствую, дядя Федор. Дядя Федя съел медведя... Федорино горе...

– Мне пора, – заторопился Федор. – Понимаешь, пора взросления – это одно. Но если она становится невестой твоего сына, фату примеряет... Б...и! Весь мир бардак! – взревел Муха и угрожающе добавил: – Пойду напьюсь.

Всего через три дня я был в полном порядке. Седые виски элегантно зачесаны, освеженная стрижкой голова посажена гордо и уверенно, спина ровная, плечи слегка развернуты. Кстати, интеллигент в первом поколении, я сам ставил себе манеры и выправку. Уж если правду сказать, я старался походить на Ивана Дмитриевича, сына белогвардейского офицера и дворянина; мой учитель сослан был в Среднюю Азию (о чем речь впереди), где поклон был формой вежливости и способом выживания, но и там со своей негнушейся осанкой он торчал среди аксакалов в чайхане, словно тополь в окружении кустарника или мечеть среди мазанок. Я учился оценивать собственную внешность и поведение со стороны. Сейчас со стороны я казался себе вполне импозантным и способным внушить чувство почтения.

Наташа прибыла ко мне в точно назначенный срок. Небрежный хвостик на голове, минимум косметики. Сама свежесть и наивность. Ни тени порочности, ни штриха лицемерия, ни намек на инфернальность. Не тварь, не шлюха, не ведьма – а просто симпатичная девчонка.

– Мадмуазель, буду с вами предельно откровенен.

Я старался с самого начала контролировать процесс, подчинить все своей воле, придать процессу строгость и неотвратимость. Но она в это же самое время так поэтапно, с расстановкой, акцентированными паузами усаживалась, оправляя юбку и располагая ногу на ногу, от нее исходила такая беззаботная уверенность, что я почувствовал, как мне навязывают чужой темпоритм. Мне почудились тенета неких чар, в которых вязла моя решимость. Она плевать хотела на мое интригующее начало, кого угодно сбившее бы с толку, и всем своим видом излучала: что бы за этим ни последовало – это будут мелочи жизни. Передо мной был противник, боец, и я весь подобрался. Для начала я решил демонстративно занять более выгодную позицию и гибко сменил тактику – поддался ее ритму и мгновенно успокоился. Теперь я уже никуда не спешил и был, как говаривал Пух Винни, до пятницы совершенно свободен.

– Кофе?

– Спасибо, не откажусь.

Кофе я готовил тщательно и молча. Светский напиток был подан (друзьям я готовлю только чай, и, если хотите, я охотно поделюсь с вами рецептом его приготовления, но несколько позднее, когда разделаюсь с этой хладнокровной стервой, с этой ухоженной шлюхой). Молчание было вполне красноречиво, оно правильно настроило нас обоих и как-то лишило юную б... ее неизвестно откуда взявшихся психологических козырей. В ситуации уже не читалось:

ты суетишься, Евгений, следовательно, ты неправ. В ситуации сквозило: жри свой шоколад – но сына ты мне оставишь в покое.

– В моих руках оказалось досье, характеризующее вас с весьма нелестной стороны. Прошу, – жест в сторону кофе получился аристократичным.

Читать мораль никогда не было моей сильной стороной, читать мораль девице с панели – смешно. Она спокойно достала редкие для Минска «Житан», точным движением прикурила, зная, что в комнате моей не курит никто и ни под каким предлогом. Я без раздражения придвинул ей пепельницу, что означало: вы имеете дело с непотворением злу насилем. Провокация не пройдет.

– Могу я надеяться, что вижу вас в последний раз, и что вы сами найдете предлог, чтобы расстаться с Иваном? – продолжил я ровной интонацией, естественной для деловых переговоров.

– А в чем, собственно, дело?

Она уже свернулась на краешке моей необъятной тахты, и поза ее источала ласковый и наивный эгоизм: она пришла в этот мир, чтобы наслаждаться. Словом, мне предлагали чувствовать себя дураком. Располагайтесь, Евгений Николаич, будьте самим собой. Кстати, в глазах ее прыгали искренние веселые чертики. Мне всегда казалось, что все эти угадывания характера и сути человека по выражению лица есть не очень впечатляющий писательский трюк. Это миф, окружающий профессию. Есть лица, по которым ничего не угадаешь. Вот я смотрю на эту бесхитростную рожицу, и она органично продолжает, скажем, облик существа нелукавого, которому особо нечего скрывать, глаза которого чисты, как его совесть; но это же лицо и эти же распахнутые глаза, оказывается, могут естественно совмещаться с подленькой натурой. Нет, у писателя не должно быть принципов, кроме одного: не изменяй истине.

Впрочем, я отвлекся. В двух словах, сухо, я изложил известные мне факты. Она весело и звонко расхохоталась в ответ. Без вызова. Просто от избытка приподнятого настроения.

– Это неправда?

Я становился смешон в своей неэффективной роли бесстрастного джентльмена.

– Это правда, хотя и не вся, – ровно произнесла Наташа, небрежно, но своевременно обминая сигарету в пепельнице.

Мне стало гораздо легче. Что меня поражало в этой особе: она не вызывала во мне ни ненависти, ни злости. Я почти любовался ею, словно экзотическим махаоном или гюрзой, случайно залетевшим или вползшей в мою обитель. Мораль как-то счастливо не коснулась этого милого чудовища. Она могла только кусаться или летать, это было так естественно.

Далее по сценарию следовало мое solo.

– Я хочу расстаться с вами – это раз; хотелось бы сделать это мирно – два.

– Черта с два. Мы поженимся с Иваном. Здесь нечего обсуждать.

– Вы полагаете, будто я в восторге оттого, что у меня невестка потаскуха и что...

– А вы полагаете, будто Иван держит меня за Евфросинью Полоцкую? Спросите меня, откуда я еду? Ну же, спрашивайте. Не хочешь? Ты не любопытный, да? А я отвечу: я только что из постели того француза, которому Иван должен столько, что за это сотрут в порошок и его, и тебя с твоими ...ми принципами. Что ты на это скажешь?

– Откуда у Ивана долги? Почему он молчал?

– Какой вы ветхозаветный, как ... ящерица. Австралопитек, ха-ха! Павка Корчагин, ха-ха-ха! О чем говорить? Как на него бандиты наехали? Как его долги перекупил француз? Да им не Иван нужен был, и даже не я. Им вы нужны, Евгений Николаевич. Кому-то вы очень не угодили. Не догадываетесь, кому? Не догадываетесь? Святой вы человек. Гвозди бы делать из таких людей. Помните ли вы все сильного господина по фамилии Упс? Вижу, что помните, верю, что помните. Жену его, бесподобную Люсьен, тоже, конечно, припоминаете? Вы все, конечно, помните. Сладкие воспоминания, да? Так вот, господин Упс все и организовал: на

меня науськал, кого надо, помог Ивана подставить. Долги продали французу, который имеет виды на меня. И меня имеет. Кто девушку ужинает, тот ее и танцует. Старинная французская мудрость. Очень похоже на то, что когда меня ставят раком – мстят вам, Евгений Николаевич. Я в восторге. Иван кругом должен. Об этом позаботились, славно позаботились, на совесть. Чистая слаженная работа госаппарата. Вот я и отрабатываю теперь, чтобы сына вашего не пристукнули. Ну, что вы тарашитесь, папенька? Да, я делаю это из любви к Ивану, из чистой и большой любви. Вот такая я потаскуха. Кстати, пользуйтесь, пока я общедоступная. Как тебе дать? Хочешь – в анал, хочешь – минетом побалую, а хочешь – пальчики вылижу на ногах? Французу нравится. Ха-ха, ой, умру! Папик, да что ты так ошалел, как ящер, ей-богу! Да, сейчас я опять наркоманка и очень дорогая проститутка. Приходится расплачиваться за вашу свободу и высокое донжуанство. Не знаю, как вас и благодарить. Так не возьмете натурой? А травки не желаете? Я, с вашего разрешения, закурю.

Полчаса мы молчали. В одном углу шикарного дивана прикорнула медитирующая проститутка, виноват, невеста моего сына, в другом в гордой позе со сломленным духом пребывал ваш покорный слуга. В голове моей, пластично принявшей форму граммофона, все это время с шипением и мягким потрескиванием, как на заигранной пластинке, крутилось определение слова «проституция» из старого французского словаря: «самоотверженное занятие развратом». Я попробовал травки. Между прочим, никаких экстремальных ощущений. Как-то особенно мерзко.

За все это время Наташа изронила еще только пару золотых слов. Первый раз она сказала: «Не давите на меня. Я не ледокол. Я всего только глупая запутавшаяся девчонка».

Минут через пятнадцать продолжила:

– Ивану ничего не говорите. Он и так переживает страшно, хотя толком ничего не знает. Догадывается. А может эти шакалы и ему подбросили информацию... А эта Люсьен очень даже ничего. Вам было хорошо с ней?

– Я до сих пор считаю, что ей мало равных. Исключительный экземпляр.

– Рада за вас. Она ядерная стерва. Это ведь она натравила своего мужа на Ивана. Нельзя же так доверять женщинам, Евгений Николаевич. Она готова убить вас. Чем вы ей так не угодили? Прелюбодеяние неверной Люсьен засняли на пленочку. Задokumentировали ваш блуд. Они все помешаны на скрытых камерах и порнухе. Импотенты.

Курва, Люсьен. Надо было лучше искать жучков.

Но боюсь, и это бы не спасло меня.

То бишь нас.

Глава 4

Прошло несколько месяцев, как писывали в старинных, то есть реалистических, опусах. Нынче мы реализма стесняемся, как наивности детства, мораль на нас наводит сон, а умы, соответственно, в тумане. Порок же любезен. Цинизм мы выдаем за раскрепощенное мировоззрение, а веру в идеалы объявляем слюнчавым реализмом. К чему я это все?

А к тому, что сегодня я уже догадываюсь, в чем заключается новая фаза моей немолодой жизни. Сейчас будем смеяться все вместе. Итак: я нежно и сострадательно влюбился в Наташу, невесту моего сына Ивана, фотография которого стоит у меня на письменном столе рядом со снимком Наташи. Снимок мой, любительский. Она доверчиво смотрит в глазок фотоаппарата и улыбается мне как другу.

Что мне делать? Может быть, вы знаете, многоуважаемый читатель макулатуры, пассажир троллейбуса? Подскажите, что делают с разбитыми сердцами.

Сейчас мы разбавим наш лихой сюжет эротической сценой. Долой платонизм. Ближе к телу. Сей момент. Читатель жаждет, и читатель, несомненно, прав. Чего хочет читатель – того требует от меня издатель – того, очевидно, хочет бог.

Мне есть что рассказать вам, любезный и просвещенный читатель. Я поведаю вам, как, спасаясь от тоски, от любви сорокалетнего дуралея к лавандовой барышне, разыскал я незабвенную (потому что такую же молодую, как моя Наташа) Люську 16, как увел ее от бездарного женатика и поселил у себя на сексодроме.

О, Люська далеко продвинулась со времени нашей случайной встречи. Она обучилась нежнейшим манипуляциям с моим членом, и в смутных очах ее все чаще возгорались живые малахольные огоньки, когда я отверзал ее умастившуюся плоть своим жарким шершавым языком. И – много, много всего... Сия Лолита так уверенно скакала на мне, безумно повизгивая и адски свирепея от сексуального перенапряжения, что я не разумел только одного: зачем нужна мне Наташа? Зачем, доводя себя до иступления, я выставлял ее непорочное имя? А уже Люська догадывалась, кто есть Наташа. Люська не любила меня, но она не отпускала меня; нежно перебирала остатки моих кудрей, вкладывала мне в рот сосцы, возбуждалась и неистово влекла меня в райские кущи своей промежности.

Мне трудно объяснить и описать этот бред. Мы с Люськой совокуплялись, как буйнопомешанные, все божественные отверстия на ее теле были опробованы мною всеми человеческими отростками. Люська низко постанывала и хищно потребляла меня, поглощая весь состав мой своей ненасытной *vagina dentata*. Слова стыд, бесстыдство, норма, мера потеряли по отношению к нам всякий смысл. Мы были чисты, как волк и волчица.

Люська не любила меня, но взгляд ее все чаще застывал на лице моем, излучая какую-то новую информацию. Какая-то мысль не давала ей покоя. Я не думал ни о чем, даже о том, что Люська может забеременеть. А зря.

Перспектива жить с молодой, распаленной, нигде не работающей красавицей, да еще с грудным младенцем на руках, вот здесь, в моей великолепной хрущобе – привела меня, наконец, в чувство. Люська, подержав однажды в руках позолоченный томик Ларошфуко с моей золотой полки, смотрела на дело вполне философски. Она вообще не любила и не умела думать («Я однажды попробовала, – честно признавалась она, – но у меня ничего не получилось»), поэтому думала о том, какое имя подобрать младенцу. «У нас будет ребенок» прозвучало набатом, и до меня стало, наконец, доходить, что это по мне звонит колокол.

– Люська, Люська 16, давай поговорим серьезно, – начал я на языке мексиканского мыльного сериала, но джин уже был выпущен из бутылки.

Бог знает, что было у нее на уме, однако похоже было, что она решила все окончательно, и я имел дело с хладнокровной мегерой, которая фактически приготовилась принести в жертву

жизни моего ребенка – мою, Евгения, покалеченную жизнь. Мечтать о скуке, которая одолевала лишних людей, отныне было пределом моих мечтаний. К тому же я, в свои предпенсионные 43, как выяснилось, плохо усвоил уроки Пушкина и Ларошфуко.

У жизни свои законы. В частности, она предпочитает насыпать на вас беды стаями. Семь бед, девять бед, сорок бед... Почему?

Кто знает. Стоит вам ослабеть, как беды, посланцы и гонцы гражданки с косой, тут как тут. Рассядутся грифами и ждут, пока вы не превратитесь в падаль.

Однажды у меня зазвонил телефон. Предупредительного – однократного – звонка не было; звонили чужие. Звонил, собственно, некто Поленький Сальвадор Владиславович, и сообщил мне кучу пренеприятных известий. Во-первых, некто Поленький – это и был тот самый заурядный женатик, первый любовник Люськи 16, у которого я беспощадно ее отъял и которого Люська запросто называла Алик или Леша. Во-вторых, Сальвадор Владиславович язвительным баритоном (изысканное хамство интеллигента) донес мне, что Люська разговелась еще до меня, с неким Пашкой, который, видите ли, «имел» ее на виду у всего пятиэтажного дома в то время, как выгуливал своего породистого питбуля. Совмещал, гм, гм, приятное с полезным. Не питайте иллюзий, будто вы отбили красавицу у Сальвадора. Красавицу вышвырнули. А вы ее подобрали. После Пашки Барышевского, имейте в виду, типичного пижона. Там и СПИД, и все что угодно... Не желал беспокоить, но счел своим долгом...

Да, недооценил я женатика, как, впрочем, и Люську тоже. Построил свой дом как бы крепость – не пускай в него никого. Купи себе питбуля. А пришла беда – отворяй ворота, и хоть семь бед – один ответ. Все знает народ. Вот только какой ответ?

И я, как последний мерзавец, стал настраиваться на конструктивный диалог с Люськой, навязывавшейся мне в жены. В сущности, меня интересовало два забавных пустяка. Первое: мог ли быть ребенок как-нибудь не от меня, а, например, от Пашки Барышевского, сына начальника треста. Второе: мог ли быть какой-нибудь СПИД у сына начальника треста, у Люськи 16, у меня и моего (или пашкиного, не суть) ребенка. Вот, собственно, чем ограничивались пределы моей любознательности.

Традиции реалистического письма настойчиво заставляют меня обратиться к психологизму. Но что вы увидели бы в моей окаменевшей душе, талантливо вывернутой наизнанку? Там несколько, возможно, смертельных ран саднили одна больше другой. Вот и все.

Призовите на помощь воображение, читатель, и вы прекрасно обойдетесь без психологизма и избавите меня от вторичного погружения в годичной давности кошмар.

Слушал я как-то божественно ностальгическую мелодию Федьки, и тут вспомнил, что есть на свете друзья. Захотелось почему-то начать с дорогих и преданных женщин, конкретно, с Люськи 3, матери двоих детей, верной жены и моей интимнейшей подруги, богини орального секса. У нее сейчас молодой любовник, которого она регулярно переутомляет, а потому выглядит ягодкой и порхает перепелочкой. Она интересовала меня в качестве эксперта по не устоявшейся мужской и рано созревающей женской психологии. Люська 3 грешила отчасти радикальными мнениями, но тонко разбиралась в людях. «Знаю я этих лягушек-скороспелок, – говаривала она. – Ноги расставить толком не умеют, а туда же: мне не трудно, а ему приятно. Позор для куртизанок, и больше ничего».

– Ты, Женя, жуткий осел, – мягко попеняла мне Люська 3. – Лезешь нашей сестре под юбку и не удосужишься поинтересоваться...

Люська наградила меня в свое время гонореей, и с тех пор мы понимали друг друга с полуслова. Не обошла она и тему граблей, на которые, якобы, я прирожденный умелец наступать. Кое-что из сказанного ею я вынужден опустить.

– Хочется же и на елку влезть, и задницу не ободрать, – слабо защищался я.

Люська бегло, буквально несколькими примерами просветила меня относительно павших беспредельно нравов эпохи. Один из примеров был ей особенно дорог: ее родная дочь не далее как месяц назад сподобилась на аборт.

– Значит так, скалолаз ты наш, спелеолог, – засучила рукава слегка перезревшая ягодка, практичная, развратная и очень добрая баба. – Ты ему скажи так...

Замысел ее был прост и коварен, как и все, что исходит из головы и сердца истинной женщины. «Понял, солнце мое?» – деловито заключила она.

Я понял, что старых друзей надо ценить: кто так посочувствует и бескорыстно подаст добрый совет. И еще я уяснил себе, что исходить из каких-то абсолютно скотских координат в вопросах интерпретации натуры человека я патологически неспособен. Теоретически-то я неплохо представлял себе природу человека, а вот Люська руководствовалась только практикой, и в очередной раз сухая теория не выдержала сравнения с живым деревом жизни.

Потом я позвонил Бахусу. Чем хорош обрусевший потомок поволжских бургеров, так это тем, что он всегда твердо знает, что надо было делать, чтобы не случилось то, что имело несчастье случиться.

– Есть только три верных правила: работай, не верь бабам и верь в себя. Вот три верные карты в казино жизни. Скажи, что тут сложного?

Этим вопросом Бахус бодро загнал меня в еще один тупик. Я буквально не знал, как парировать.

– Вовка, что бы ты сделал на моем месте? – мистически поставил я на «рацио» германского ума.

– Когда я лечился от своего первого триппера, – задумчиво вознес свои чистые и ясные глаза Вольдемар, – я понял, что мы с тобой обречены существовать в зоне риска. Быть мужчиной – значит рисковать. Резинка – для пепсифанов. Выпьют пепси, натянут резинку, нажрутся таблеток... Без резинки кончают только в пробирку. Хочешь, я отправлю тебя в Германию? – как-то иррационально подытожил мой Бах?

О, други! Верю вам больше, чем себе, люблю вас и надеюсь, что мой пример будет для вас добрым уроком.

Храни вас бог.

И презерватив.

Глава 5

События развивались бурно и стремительно. Некто Поленький со всей тщательностью и с разумными мерами предосторожности позаботился о том, чтобы довести до ушей бритоголового Пашки, что Люська 16 развратничает в моей квартире.

– Слушай сюда, падла, – с места в карьер, «по понятиям» начал свой «базар» Барышевский. В адаптированном варианте смысл его «наезда» сводился к тому, что он обещал меня убить, и неоднократно. Собственно, угрожал мне, если я не отлипну от его Люськи.

– Но у нас будет ребенок, – вяло возразил я.

– Лично у тебя никогда детей не будет, я об этом позабочусь, – прозрачно намекнул энергичный молодой человек.

– А у вас СПИД какой-нибудь есть, ну там, имеется в наличии?

Что мне было терять?

– Ты че, ... что ли? – взволновался коммерсант. – У ты че, башня сдвинулась? Ты че хочешь сказать, козел, блин?

– Послушайте, Павел, – я тоже старался быть солидным. – Ребенок, *которого сейчас носит Людмила*, не может быть вашим ребенком? Как мужчина мужчине.

– Да я эту суку дрючу каждый день. Какие дети, папаша? Ты что мне заливаешь? У нас ... у нее недавно менструация закончилась. Дети... Кого ты за детей держишь?

– Так значит, *вы ничего не слышали о ребенке?*

– Запомни, ... (определение моей сущности было длинным и запутанным, к тому же ложным), ее дети тебя не касаются.

В голосе были рык и сталь. Прогнозы Люськи 3 торжествующе сбывались.

– Спасибо, Павел. Вы добрый человек. А насчет СПИДа не волнуйтесь: у меня его тоже нет.

Я повел плечами. Ишь, говно какое: раскричался на меня.

– Комеди франсез, фарс, фантазмагория, – скажете вы. – Так не бывает!

Еще как бывает, смею вас уверить. Не нервничайте, читатель. Я органически не умею врать. Я дал себе слово чести еще в ранней молодости. Все, что я рассказываю здесь, – чистая правда, от начала до конца. К сожалению.

Правда, в частности, заключалась в том, что не прошло и года после описываемых событий, как я встретил Люську 16, толкающую перед собой новомодную коляску, расписанную аля Сальвадор Дали, в которой возлежал, надо полагать, симпатичнейший пузан. Выходит, все же был мальчик? А Люська выглядела так, что в уме моем сверкнула мысль: не побороться ли мне за права отцовства? Меня несколько охладила другая мысль: в нашем не правовом государстве меня не поймут.

Сказать ли? Одни считают беременных женщин больными, другие поэтизируют их временную недееспособность и невменяемость. Я же вполне сочувственно отношусь к добросовестному выполнению ими возложенных на них природных функций и не вижу смысла кричать душой, впадая в крайности.

У меня есть глупое предубеждение против молодых счастливых мамаш. Я их определенно терпеть не могу. Эти торжествующие самки – разносчицы самой что ни на есть 100 %-й пошлости. Вместе с младенцем и законным мужем они получают неписаное право громко торговаться, что-то там требовать в ЖЭСах, качать права там, где им почудились их права. Они отвоевывают жизненное пространство и делают это под самым гуманным предлогом: «ради детей». Они раз и навсегда сладострастно вникают в смысл жизни. Их «быть или не быть» выглядит несколько иначе: крупна ли свежая рыба, желто ли масло, сладок ли сахар? Жратва

и все, что с ней связано, – нектар опарышей – становится их Меккой и коммунизмом. Юные мамыши – это торжествующая громкоговорящая пошлость.

А Пашка Барышевский, опарыш в мерседесе, был недостающим звеном в этом конвейере жизни. Звено нашлось, цепь замкнулась. Совет вам да любовь, мои дорогие молодые.

Мне недосуг было поинтересоваться здоровьем малыша, хотя несколько дней кряду после того на сердце у меня, образно выражаясь, кошки скребли.

Возможно, судьба хранила меня для испытаний более значительных, для казни более мучительной. Ведь с Люськой 16 все было предельно просто и ясно как день: альянс с ней означал капут. Я был бы заживо погребен. Живой труп в хрущобе. А вот что мне было делать с жизнью моей после того, как колесо фортуны решило не давить меня раньше времени?

Напомню вам, читатель: я был рыцарски влюблен, она же была невеста моего сына, к тому же прелестная шлюха. Забавно, не правда ли?

Если вы снизойдете, мой дорогой и, скорее всего, молодой читатель, и изволите перевернуть страницу, обещаю вам еще немало забавного.

А сейчас несколько слов о том, как я докатился до такой жизни, какие причины склонили меня к тому, чтобы далеко не в юном, скажем, 33-летнем возрасте, а в расцвете моих раскрепасных 43 приняться, извините, за роман. (Гм... А «приняться за роман» звучит солидно, черт меня забери совсем! Отдает чем-то аристократическим, дворянским, и даже белогвардейским.) Времени, как я уже доложил, у меня было в избытке, волею судеб жизнь была богата событиями, я бы сказал, аргументами и фактами, губительная склонность к самоанализу – налицо. Мог ли после этого я не писать? Отечественная, да и вся мировая культура с ее золотой традицией самовыражения не оставили мне выбора.

Итак, я принял за роман. Но ведь роман роману рознь. Я читывал Пушкина, мне достает здравого смысла и самоиронии и, напротив, недостает ослепляющего честолюбия, чтобы глупо соперничать с романами, место которым я отвел на своей золотой полке. С Пушкиным я, как вы успели заметить, на короткой ноге, а потому, по трезвом размышлении, решил взяться за коммерческий роман. Так сказать, пишу роман на продажу.

Знаете ли вы, читатель, что такое коммерческий роман?

Знаете ли вы, любезный читатель, что такое добровольно находиться в плену у жестких схем жанра? Я вот делюсь с вами сокровенным, а самого свербит и подзуживает мысль: не мало ли было постельных сцен? Может, самое время побаловать вас чем-нибудь еще «про это», подпустить клубнички-малины? С «картинками», вроде, негусто. Все ли у меня в порядке с остросюжетностью? Удастся ли мелодраматизм, не приглушен ли сей модный тон, не фальшивлю ли я в его чистых, святых интонациях?

Вполне ли вы отдаете себе отчет, что такое коммерческий роман, дорогой мой читатель? Я вот даже не решил, имею ли я право на лирические отступления, которым невольно предаюсь, пристало ли это моему коммерческому проекту?хлопот, однако...

Извинить меня может разве то, что я бережно следую правде жизни.

Кстати, о лирических отступлениях...

Читатель, не сомневаюсь, будет несколько удивлен, однако во времена моей розовой молодости, того несказанного возраста, который я сейчас с таким восторгом предпочитаю, вряд ли бы годился я в авторы популярного романа. Я весь состоял из идеалов, моральных догм и табуирующих установок, репрессивная культура постсталинского периода повязала меня. Я, например, никак не мог решить, за кем мне ухаживать: за Люськой (почетные порядковые прибавки тогда еще были у меня не в ходу) или за ... как бишь ее звали? Уж не Наташа ли? Уж не 17 лет ей минуло в ту гнусную социалистическую пору? Кажется, это было вскоре после Кристины...

Ну, как тут не взяться за роман, настоящий, некоммерческий! Жизнь полна тайн, и романисты должны по мере сил раскрывать нам глаза на жизнь. Если не мы, то кто же?

Так вот, я был поставлен перед выбором. Чтобы ухаживать сразу за двумя – мне и в голову не пришло. Говорю же, я был раб догм. Впоследствии, чрез уйму лет, этому сложному искусству обучила меня Люська что-то там пятая или шестая, которая подсунула мне свою озорную подружку без комплексов (соответственно, шестую или седьмую), и мы идиллически поладили, безо всякой похабщины. Меня приводила в восхищение своим потрясающим совершенством грудь одной, и я не мог не отдавать должного ягодицам другой. Эти два места мог ласкать одновременно.

К сожалению, не мог я тогда ухаживать за двумя. Если бы молодость знала...

Такова была правда времени и моей медленно созревающей личности.

Ладно, читатель. Правда так правда, лирика так лирика. Никаких Люсек и Наташ.

То была Кристина.

Разумеется, был жаркий полдень, глаз слепила огромная сверкающая река, купальщиков и купальщиц было не густо: сезон только-только начинался. Люська как-то подразмылась в памяти моей, Наташа осталась смутным эмоциональным пятном. Зато Кристину я помню всю до бликов на ее коже, до родинки на левой груди. Я еще не знал, разумеется, что она и есть мой тип, мой эталон, следовать зову которого я был обречен всю мою жизнь, вплоть до роковой Люськи 17. Кристина была красива кукольной славянской красотой, хотя была полунемка, но я не замечал ничего, кроме плотных купальных трусиков, откровенно врезавшихся в те интимные места, цену которым я узнал, гм, несколько позднее.

Я любил, я был любим и не сомневался в этом. Доказательств было сколько угодно. Мы продолжительно целовались (а этого невозможно добиться без практики), и уже раза два я довольно искусно и дерзко, как мне тогда казалось, приспускал ее бюстгальтер. Однажды я вовсе снял его, но выключить свет показалось мне верхом донжуанства: я боялся неосторожным жестом оскорбить любовь мою. Это было глупо, но я был чист, т. е. также глуп.

Было ясно, что вот-вот дело дойдет и до купальных трусиков. И я панически боялся. Я был готов навечно поселиться у врат рая, но войти туда было для меня знаком избранничества. Я не смел даже откровенно смотреть на «то» место. Но природа-мать неплохо знает свое дело, и она регулярно швыряла нас в объятия друг друга. Помню тропинку в камышах, помню жизнерадостный визг молодежи комсомольского возраста, помню, как звуки постепенно затихли и мы остались вдвоем. Тишину подчеркивал только плеск волны. О серьезности намерений моей возлюбленной говорило то, что она мгновенно сбросила с себя верхнюю часть купальника, и мы опустились на колени.

Попробуйте описать свои первые ощущения (если вы не сразу стали Казановой, в чем я лично сильно сомневаюсь) и избежать при этом банальностей. Правда – банальна. Во мне дрожала каждая жилка (между прочим, это очень точно кем-то подмечено). Классическую позу – лицом к лицу, она на спине – мы уже опробовали в невинных забавах с поцелуями. Тогда я стеснялся даже того, чем сейчас немало горжусь: своего свирепого мужского желания и неприличного, как мне казалось, напряжения. Что-то было в этом козлиное и нечистое, с точки зрения высоких наших отношений. Боюсь, читатель, в этом сокрыта большая сермяжная правда: именно чистота была точкой отсчета в возведении моей далеко не идеальной личности. Я понятия не имел, куда приткнуть свой фаллос (по-моему, я даже не имел понятия, что он так называется; четыре буквы – член – вызывали глубоко антисексуальную ассоциацию: Политбюро; а три убогие буквы – были не для нас). И вот тут моя рука произвольно совершила решительный и гениальный жест. Я грубовато, а получилось очень сладострастно, содрал с нее трусики. От подружки моей требовалось только не мешать мне. Она великолепно справилась со своей задачей. Ей тоже было нелегко.

Под голубыми, цвета неба, трусиками оказалось то, что и должно было быть, но визуально это «что-то» разочаровывало. Тайна стала исчезать, превращаясь в часть тела, но стоило мне накрыть рукой простоватый женский орган, как тайна вернулась. Сильнейшее мое сексуально

потрясение – божественная влага, влекущая туда, к эпицентру. Собственные плавки снимать оказалось куда мучительнее. Прodelал я это с какой-то трагической обреченностью, смысл которой дошел до меня несколько позднее. Мой расчехленный початок напряжен был искренне и честно, как тростник. Камыш шумел, река всхлипывала, солнце паялилось бесстыдно, а я изгибался над распростертой своей подругой, страшась того, что мне предстояло совершить. Ведь ты мужчина!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.